

Л.В. ПОЛЯКОВ

«МЕНЬШИНСТВА» И «МАССЫ» В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА

Так что можно довольно легко представить себе глобальное общество как совокупность (более или менее) изолированных и (более или менее) самодостаточных сообществ меньшинств, сформированных по самым разным признакам и критериям.

Л.Г. Ионин

В статье рассматривается проблема культурного смысла и социальных последствий глобального феномена, провокативно обозначенного как «восстание меньшинств» ведущим российским социологом и политологом Леонидом Иониным. То, что представлялось противоположностью «восстанию масс», описанному Хосе Ортегой-и-Гассетом почти столетие тому назад, оказалось столь же аморальным и столь же подверженным вирусу «массовизации». Автор стремится объяснить этот парадокс с помощью концептуальных построений Ионина, называя их «теорией миноритизации». Частичное объяснение парадокса найдено при обращении к ионинской концепции «инсценирования идентичности», показывающей, что социальная структура Модерна формируется множеством меньшинств, каждое из которых становится своего рода замкнутой «микро-массой». Концепция «инсценирования идентичности» также объясняет, почему теория «демократического транзита» не работает в постсоветском (постмодерновом) социальном контексте.

Ключевые слова: Модерн, меньшинства, массы, моральный кризис, идентичность, инсценирование идентичности, политкорректность, социальная структура, культурная форма.

Поляков Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой общей политологии НИУ–ВШЭ. **Адрес:** 125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3. **Телефон:** (499) 152-14-01.
Электронная почта: leopolen@yandex.ru

Этот эпиграф вполне может быть прочитан и понят как предсказание футуролога или как фантазия писателя, продолжающего традицию таких мастеров (анти)утопического жанра, как Е. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл. И то и другое в известной степени верно. Ведь автор эпиграфа, с одной стороны, действительно способен научно прогнозировать будущее¹, а с другой — в художественно-романной форме это будущее представлять [6]. На самом же деле, этот эпиграф есть не что иное, как претендующая на предельную точность констатация того состояния, в которое уже фактически вошло современное человечество. Иными словами — «диагноз нашего времени», поставленный на основе детального изучения всех ключевых симптомов. Книга, из которой взят эпиграф, провокативно названа автором «Восстание меньшинств» [1]. И потому немедленно напрашивается сравнение с тем, что сделал Х. Ортега-и-Гассет в своем «Восстании масс». Сам Леонид Ионин объясняет «аналогию» лишь в том смысле, что его знаменитый предшественник описывал общество «одномерного человека», где действует принцип «будь как все». В то время как сегодня мы имеем дело с обществом, в котором принципиальная жизненная установка — «будь не как все». Но думается, аналогия только этим не ограничивается.

Не знаю, сознательно или нет, но автор изначально задал очень глубокую и не до конца предсказуемую игру смыслов, возникающих при сравнении этих двух казалось бы противоположных типов «восстаний». В финале, между прочим, может быть установлена и валидность диагноза нашего времени как торжества миноритизации².

Первый ход в этой смысловой игре делает, естественно, Ортега, когда описывает «восстание масс» как социальную структурную катастрофу, в ходе которой общество «избранных» меньшинств замещается обществом, где «масса, не перестав быть массой, упраздняет меньшинство» [8, с. 47]. Традиционная социальная структура рушится, поскольку происходит неправомерная и невозможная функциональная подмена: «Действовать самовольно означает для массы

¹Ср.: «Можно предположить, что будущее за относительно небольшими самоорганизующимися сообществами, основанными на единстве мировоззрений» [5, с. 418].

² Леонид Ионин, констатируя наступление эпохи победоносного восстания меньшинств, термин «миноритизация» не использует. Но думается, что этот термин (как русская производная от англ. *minority*) вполне может быть использован для самого краткого и сущностно точного определения той социологической теории глобального общества, которую он последовательно выстраивает в трилогии, включающей «Апдейт консерватизма» (2010) [3], «Политкорректность: дивный новый мир» (2012) [2] и собственно «Восстание меньшинств» [1].

восставать против своего предназначения, а поскольку лишь этим она сейчас и занята, я говорю о восстании масс» [8, с. 110].

При всем известном «аристократизме» Ортеги нужно помнить, что его «избранные меньшинства» — это не статусно привилегированные социальные группы, а такие сообщества, которые формируются как раз из индивидов, отказывающихся «быть как все». «Для создания меньшинства — какого угодно, — подчеркивает испанский философ, — сначала надо, чтобы каждый по причинам *особым*, более или менее личным, отпал от толпы» [8, с. 45]. А если так, то мы получаем, как кажется, такую схему глобальной социальной эволюции. Сначала, условно — до начала XX века, мы имеем своего рода «общество меньшинств»: они формируются и статусно, и функционально, и просто за счет самоорганизации отпавших от «толпы», но по какому-то важному признаку схожих индивидов³. Затем, с начала XX века (а после Первой мировой войны — особенно интенсивно), происходит «вертикальное вторжение варварства», то есть собственно «восстание масс», что приводит к возникновению «массового общества». С конца прошлого века начинается новое восстание — на этот раз уже «меньшинств».

На самом деле все не так просто. Восстание масс у Ортеги — переход в состояние безначалия, прежде всего в культурно-ценностном смысле. Это восстание «национализмов» разных «народов» и «народиков» против культурного руководства Европы на фоне «камуфляжной»⁴ роли «Москвы» и «Нью-Йорка» как псевдоновых (неевропейских) проектов. Это утрата ценностей, торжество культурно-исторического релятивизма⁵ и антиморальности. И неслучайно последняя страница «Восстания масс» содержит такой приговор

³ В лаконичной формулировке Ортеги это выглядит так: «Мир обычно был неоднородным единством массы и независимых меньшинств» [8, с. 48].

⁴ Как поясняет Ортега, «камуфляж — это реальность, которая оказывается иной, чем кажется. Облик ее, вместо того чтобы выявлять, прячет ее сущность» [8, с. 125]. Аналогия напрашивается, но представляется, что этот «феномен исторического камуфляжа» [8, с. 125] все-таки ближе к шпенглеровскому «псевдоморфозу», чем к бодрийеровскому «симулякру». Иначе консерватора Ортегу-и-Гассета пришлось бы записать в «постмодернисты до постмодернизма». Хотя, тем не менее, когда Ю. Хабермас зачислял «постмодернистов» (и Ж. Бодрийера в первую очередь!) в «младоконсерваторы», он знал, что говорил.

⁵ Ортега всегда питал интерес к русскому культурно-художественному и интеллектуальному миру, но, вероятно, был бы шокирован книгой-прологом к «евразийству» Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920).

восставшим: «Массовый человек попросту лишен морали, поскольку суть ее — всегда в подчинении чему-то, в сознании служения и долга» [8, с. 163].

Но ведь именно это — основные симптомы восстания меньшинств, которое диагностирует Леонид Ионин! Более того, в «Заключении» к своей книге он рисует картину радикального (и при этом — глобального) противостояния двух «лагерей»: условно «традиционалистов», с одной стороны, и безусловно «постмодернистов» («поздних модернистов») — с другой. Вот как описываются первые: поскольку «традиция всегда моральна, можно даже сказать, что традиция и есть мораль, и собственную легитимацию она содержит в себе самой⁶. Поэтому не удивительны уверенность в собственной правоте и отвага тех, кто бьется на “малой земле” своего дома, семьи и отечества против “наглых” и “отвратительных” нововведений, посягающих не только на наше настоящее, но и на прошлое и будущее, на достоинство и честь наших отцов и матерей, и на наших детей также» [1, с. 226].

Вторые представлены не менее рельефно: «Другую сторону конфликта представляют меньшинства, которые суть от плоти и крови модерна, изначально возникшего и сформировавшегося на противопоставлении себя традиции, в частности, традиционной морали, и, следовательно, морали вообще. *Модерн аморален, потому что не традиционен*» (курсив мой. — Л.И.) [1, с. 226].

Получается, что оба автора, по-разному называя свои книги, пишут на самом деле практически об одном и том же! Ортегианские «массы» по своим сущностным признакам почти идентичны ионинским «меньшинствам», и мы попадаем в область не столько терминологических, сколько смысловых парадоксов, в которых стоит разобраться.

Ведь, например, получается, что Ортега в своем «Восстании масс» в 1929 году описывал ситуацию «постмодерна» за полвека до того, как появился сам лиотаровский термин. И наоборот: получается, что «восстание меньшинств», столь тщательно и скрупулезно исследованное Леонидом Иониным на материалах глобального общества XXI века, на самом деле произошло почти на век раньше? Несмотря на то, что ни о какой «политкорректности» и «правах меньшинств» тогда еще и не слыхивали!

Парадоксально? — да⁷. Первый опыт успешного восстания меньшинств, по Л. Ионину, — сталинский СССР. Первоначально

⁶ Эта формула Леонида Ионина может считаться своеобразной «формулой примирения» таких во всем остальном разных политических философов, как Э. Берк и И. Кант.

⁷ Автор — вообще любитель парадоксов. См.: [4].

большевистский проект реализовывался как «государство-движение», созданное сообществом марксистов-революционеров по типу «религиозной секты»⁸. Но после того, как с теоретиками и практиками «перманентной революции» (Лев Троцкий и его окружение) было покончено и начато строительство социализма «в одной отдельно взятой стране», возникло государство, в котором власть «футуристического» меньшинства создала необычный тип сообщества. Как утверждает Леонид Ионин, «по мере становления сталинского режима советское общество все более стало обретать черты садомазохистического сообщества меньшинств. <...> Это были люди, готовые причинять страдания и боль и готовые к страданию и боли, хотя и не по причине извращенного гедонизма “садомазо”, а из высших морально-нравственных и социальных соображений» [1, с. 235]⁹.

Но в большой смысловой игре, предложенной Иониным, это «ложный след». Не в том смысле, что автор грешит против истины. А в том, что *тоталитарный* вариант общества восставшего и победившего меньшинства — это уже пройденный и, можно сказать, отбракованный историей этап. А вот *демократическое* общество, где господствуют победившие меньшинства, которое возникает в результате деморализации базовых институтов Модерна (капиталистической экономики, демократической политики и науки), — это то, что еще только предстает перед нами. И притом — не как эксперимент «в одной отдельно взятой стране», а как глобальная социальная структура.

В связи с этим возникают, по крайней мере, два весьма важных вопроса, маркирующих уже не «ложную» (уводящую в «отыгранное» прошлое), а релевантную настоящему и неопределенному будущему смысловую развилку.

Во-первых, почему, как утверждает Леонид Ионин, «восстание меньшинств» против общества непременно есть «восстание против морали» [1, с. 235]? Ведь если справедлива констатация Ортеги-и-Гассета, это именно уже и произошло в результате победоносного «восстания масс». И более того — сам же Ионин утверждает, что Модерн принципиально (то есть изначально) аморален.

Не есть ли это закономерная реакция на изначально модерную «аморальность», и нельзя ли усмотреть именно в таком «восстании меньшинств» моральный если не смысл, то, как минимум, поиск?!

⁸ Ср. хорошо проработанный Н.А. Бердяевым тезис о религиозной природе русского коммунизма.

⁹ Лучшим художественным доказательством этого парадоксального ионинского тезиса служит, конечно, гениальная трилогия Андрея Платонова «Чевенгур», «Котлован» и «Счастливая Москва».

И во-вторых. Для Запада, экстраполирующего свою социальную структуру на весь остальной мир (что и есть в социологическом смысле — глобализация), «восстание меньшинств» означает культурно-цивилизационный суицид. Как подчеркивает Л. Ионин, основным объектом атаки меньшинств всех видов и типов неизменно оказывается *традиционный* Запад. А сама атака ведется не внешними силами (не-западными «народами» и «народиками», как у Ортеги), а изнутри самого же Запада теми, кто рассматривает традиционный моральный порядок как совокупность террористических практик, нацеленных на угнетение существующих и потенциальных «меньшинств».

Эта же перспектива неизбежной миноритизации, полагает Леонид Ионин, открывается и перед Россией. Но, похоже, здесь он не опасается культурно-цивилизационной катастрофы. По его мнению, «эта перспектива допустима и несколько не фатальна для жизни государства при условии, конечно, что эти меньшинства ищут возможности своего самовыражения и устройства собственной жизни в этой культуре и в этой стране, а не наняты марсианами для разрушения земной жизни» [1, с. 237].

Хотелось бы, конечно, разделить с автором этот оптимизм, но проблема состоит в следующем. Оставляя в стороне замыслы коварных марсиан, зададимся такими вопросами: если от некоего условного «морального большинства» откалывается все больше и больше меньшинств, то не наступит ли такой момент, когда выражения «эта культура» и «эта страна» просто потеряют смысл? И не окажемся ли условные «мы» уже в не очень далеком будущем в ситуации, когда именно меньшинства будут определять, что есть «эта страна» и «эта культура»?

Начнем с первого вопроса, поскольку ответом на него как раз и служит вся теория «миноритизации», которую Леонид Ионин разворачивает в своей книге. Как же все-таки можно объяснить этот парадокс: Модерн изначально аморален, но «меньшинствующий» Постмодерн восстает против морали?

Прежде всего стоит разобраться в изначальной (якобы) аморальности Модерна. Само понимание Модерна может, напоминает Л. Ионин, быть двойственным. Одно дело — подход классиков социологии (Тённиса, Вебера, Зиммеля и Дюркгейма), которая сама является формой теоретической рефлексии (самосознания) этого самого Модерна. Тут присутствует четкое противопоставление «нового» общества прежнему — «традиционному» по признаку тотальной рационализации. Модерн «расколдовывает» все традиционное, а если мораль и есть традиция (обычай, не поверяемый разумом), то он неизбежно лишается морального измерения.

Но в этой версии аморализм Модерна возникает не как осознанно ницшевское отрицание морали, не как принципиальный имморализм,

а как констатация ее фактической неуместности. В рациональной науке *ученый* не имеет права на моральное суждение, такое право ему оставляется лишь как частному лицу. Рыночная экономика ориентируется не на морального субъекта, а на «человека экономического» — максимизатора прибыли. Политические институты современной демократии подчинены логике абстракций, самая фатальная из которых — «всеобщие права человека».

Если к этому добавить еще и непременную секуляризацию, то общество Модерна действительно с «железной» необходимостью должно утратить моральное измерение, что называется, *by default*. И можно утверждать, что именно состояние этого морального дефолта Ортега-и-Гассет описал в виде «восстания масс»¹⁰.

Но на сущность Модерна можно смотреть и по-другому. А именно, глазами Вальтера Беньямина, который этот самый якобы тотально рационализирующий Модерн определил как иной (по сравнению с традиционным) способ «околдовывания» и мифологизации социальной реальности. И в результате, как полагает Л. Ионин, Беньямин открыл в Модерне сущностные черты того, что через полвека стали приписывать Постмодерну. Это и бодрийеровский «симулякр», и принцип «бриколлажа», и замена «опыта» «переживанием», что соответствует лиотаровскому принципу отказа от «Grande écrité».

И тогда аморализм Модерна уже нужно понимать не как вынужденный дефолт, а как сознательный выбор, который странным образом оказывается отложенным ввиду «восстания масс» и актуализируется через полвека посредством замены традиционной морали ее суррогатом — идеологией политкорректности. Но поразительным образом эта идеология, инструмент утверждения дискурсивной (и неизбежно — социетальной) гегемонии меньшинств, несет в себе вовсе не заряд освобождения личности навстречу кантовскому «нравственному закону внутри нас», а скорее вирус деморализующей массовидности. Поскольку, как утверждает Л. Ионин, политкорректность «можно рассматривать как дедуцированный из релятивистской философии набор моральных поучений и поведенческих образцов, подходящий к умственному уровню широких масс» [1, с. 229].

Это парадоксальное усмотрение массовидного в том, что позиционирует себя как исключительно-индивидуальное, заслуживает

¹⁰ Ортега гениально определил суть модернистского аморализма, указав, что «мы живем в эпоху, которая чувствует себя способной достичь чего угодно, но не знает, чего именно» [8, с. 64]. Разумеется, речь тут не об эразмовом «ученом незнании», а незнании именно моральном. О драме человека Модерна, ведомого бэконовским слоганом «Scientia est potentia» к той «диалектике Просвещения», окончательные решения которой чреватые концлагерно-евгеническими экспериментами.

особого внимания. Тут, как представляется, можно обнаружить всю оригинальность теории миноритизации. Начальный пункт рассмотрения таков: если политкорректность как «современная инструментальная версия идеологии модерна» обеспечивает дискурсивное господство меньшинств, то почему эта идеология не носит цельный, тотализующий характер, а напротив, представляет собой «набор моральных поучений и поведенческих образцов»?

Общий ответ состоит в том, что «постмодерн» как теоретико-методологический фундамент этой идеологии изначально задает три универсальные максимы политкорректности. А именно: истина относительна; вместо истины — терпимость; нет «чужого», а есть только «другой». Но Леонид Ионин не удовлетворяется этим общим ответом. Он предлагает свою теорию «культурной инсценировки», которая раскрывает механизм формирования меньшинств, обеспечивающий их легитимацию с помощью дискурса политкорректности.

Классический вариант разворачивания логики «культурных форм» в обществе «зрелого» Модерна, как известно, включает три этапа. Сначала формируется и осознается «социальный интерес» той или иной социальной группы. Затем этот интерес получает свое «доктринальное оформление» (в разных вариантах — от «группового фольклора» до самой изощренной философской теории). Второй этап принципиально важен: «Доктрина служит основанием внешних вещных и поведенческих проявлений вышеозначенного интереса в разных сферах жизни: в политике, в праве, в быту и т. д., то есть его предметных и пространственных презентаций, или инсценировок» [1, с. 107]. Такие «инсценировки» и являются третьим, завершающим этапом социокультурных репрезентаций исходного группового «социального интереса».

Но такой «натуралистический» подход к логике становления культурных форм в эпоху «позднего» Модерна уже не работает. Дело в том, что человек постмодерна не обладает идентичностью, данной а priori. Он принципиально отрицает навязанную групповую идентичность и стремится в буквальном смысле — самоопределяться. В этом состоянии «человека без свойств» он находится как бы «на старте» идентификационного поиска. И разумеется, никакого *социального* (то есть — группового) интереса у такого человека по определению быть не может. У него есть только *персональный* интерес — найти на условном «рынке» уже кем-то выполненных «презентаций» или «инсценировок идентичности» то, что будет символизировать его собственный выбор и, следовательно, личностную автономию.

То, что на самом деле это квазиавтономия, другой вопрос. Важно, что такая первичная диспозиция индивида в обществе Постмодерна задает инверсионную логику становления культурных форм. Реконструируя эту логику, Л. Ионин опирается на социологию знания

К. Мангейма, который ввел понятие «объективная мыслительная структура», обозначающее некую интеллигибельную данность, коррелирующую с интересами определенных социальных групп, но возникающую как продукт “свободно парящей интеллигенции”» [7, с. 594]. Сознвая ограниченность «механистического» подхода (Л. Ионин называет его «натуралистическим»), К. Мангейм опосредует связь «объективных мыслительных структур» с конкретным социальным «носителем» с помощью понятий «стиль мышления» и «основополагающий мотив».

Для той версии социологии глобального общества, которую развивает Л. Ионин, оказывается достаточной сама гипотеза К. Мангейма о возможности существования «объективных мыслительных структур». Перенося эту идею в контекст постмодерна, он утверждает, что теперь процесс становления культурной формы начинается с ее инсценирования в виде того или иного варианта предметной и поведенческой презентации. Социальное «авторство» таких инсценировок поначалу не важно. Важно то, что они как готовые опции присутствуют на потребительском идентификационном «рынке» общества Постмодерна.

Особенность такой инверсии заключается в том, что в отличие от классической логики движения от социального интереса, задающей экзистенциальный «серьез», здесь все начинается как бы «понарошку». Настоящая жизнь замещается «игрой в жизнь», но такой игрой, в ходе которой симуляция должна будет стать подлинной жизненной реальностью. Л. Ионин подчеркивает, что «в нынешнее время теория и рефлексивное понимание всех последствий выбора той или иной культурной, в частности, политической, формы жизни не предшествует выбору. Наоборот, *выбор предшествует* познанию и пониманию того, что выбрано». Поэтому «формирование групп меньшинств, как в постперестроечной России, так и ныне, и не только в России, но и вообще, носит изначально внешний, игровой характер: игровой в том смысле, что правила игры, содержащиеся в той или иной культурной форме, хотя и воспринимаются индивидом как некая целостность, но не отождествляются им с правилами самой жизни. <...> Но это лишь до тех пор, пока не усвоены содержащиеся в данной культурной форме теоретический образ мира и моральная доктрина» [1, с. 111].

Здесь мы подходим к тонкой грани между ортегианским «восстанием масс» (восстанием не-западных культур против цивилизационной гегемонии Запада как Культуры) и «восстанием меньшинств», которое Леонид Ионин рассматривает в качестве технологии социального структурирования в обществе Постмодерна. Не замечая этой грани, мы вынуждены были бы обсуждать мультикультурализм как именно инокультурное вторжение в постсовременное западное

общество¹¹. Но в книге «Восстание меньшинств» мультикультурализм не обсуждается принципиально: автора интересует не «горизонтальное вторжение варварства» (приношу, разумеется, извинения за неполиткорректный перифраз знаменитой формулы Ортеги), а именно имманентная, даже — интимная процедура миноритизации пост-современного Запада. А вместе с ним — и глобального общества.

Эта процедура и состоит в том, что в обществе, разобранным на несобираемые обратно фрагменты — путем ли целенаправленной идеологической «деконструкции» (Запад), либо ввиду стихийного идеологического коллапса (СССР) — единственно доступным способом персональной «сборки», то есть вторичной, по сути, социализации, становится именно культуростроительная инверсия. Не смысл (социальный интерес) получает внешнее выражение, а кем-то предъявленная форма, принимаемая в качестве «игровой» идентичности, заставляет насыщать ее смыслом.

Проницательность этого наблюдения Л. Ионина поразительно точно засвидетельствована художественной интуицией одного из лучших писателей (пост)современного (русского в первую очередь) общества — Виктора Пелевина. В его новейшем романе «Ватман Арло» в главе «Щит Родины» обнаруживаем следующий диалог между одним из «правителей мира сего» и «придворным политтехнологом»:

— Ладно, — смилостивился Энлиль Маратович и закрыл глаза. — Вопросов к тебе больше нет. Давай по проекту... Так... Так... Подожди. «Самопрезентация как двигатель политического протеста...» Может, правильнее наоборот?

— Нет, — сказал Самарцев твердо. Политический протест как двигатель самопрезентации — это уже много раз было. В прошлом веке. А вот самопрезентация как двигатель политического протеста — реально новое слово. Под мою ответственность [9, с. 309].

Эта инверсивная логика становления культурных форм открывает путь к созданию не постмодернистской социологии, а к тому, что можно было бы назвать социологией глобального общества. Что отчасти уже и делает Леонид Ионин, шаг за шагом отслеживая и выявляя его специфические черты. Но, между прочим, открытие такой

¹¹ Еще одним вариантом было бы рассмотрение концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона как реализации той «программы» опровержения культурного европоцентризма, которую крайне скептически оценил в свое время Ортега-и-Гассет. В этом увлекательном интеллектуальном предприятии можно было оттолкнуться от такого изощренного силлогизма: «Мультикультурная Америка невозможна, поскольку не-Западная Америка — это уже не Америка. Мультикультурный мир неизбежен, поскольку глобальная империя невозможна» [10, р. 318].

логики позволяет установить вполне валидную процедуру верификации ряда весьма распространенных социально-политических теорий, претендующих на статус универсальных. В частности, Л. Ионин приводит элегантно и достаточно убедительное опровержение теории «демократического транзита», — по крайней мере, в той ее части, которая трактует процессы, происходящие на постсоветском пространстве.

В основе этой теории лежит такая схема: «при советском режиме существовали многообразные общественные интересы, которые режимом подавлялись, поэтому оставались невыраженными и нереализованными. Падение режима позволяет проявиться этим интересам. В соответствии с ними сложились (или по разным причинам не сумели, но должны были сложиться) политические партии и группы, совместными усилиями создающие новый институциональный порядок» [1, с. 122]. Таким образом, в России, как и в других бывших республиках СССР, должен был произойти переход от «авторитаризма» к «демократии». Но в реальности, по мнению целого ряда западных и отечественных экспертов, почему-то произошло совсем другое: откат от позднеперестроечной «демократии» 1989–1991 годов к «авторитаризму» и чуть ли не к «тоталитарным режимам».

«Механистичность» этой схемы заключена в том, что она предполагает возможность сохранения при цивилизационном коллапсе прежних социальных конфигураций с их интересами в качестве «промоутеров» принципиально нового политического дизайна. На самом же деле, как отмечает Л. Ионин, произошло вот что: «Слом старой системы похоронил вместе с ней и имевшиеся в ее недрах — независимо от того, подавлялись ли они или находили реализацию — общественные интересы. Падение советского режима означало, по сути, тотальный культурный коллапс. Выжить не могло ничего, за исключением остатков все той же советской культуры с интересами, характерными именно для нее, а не для предполагаемого нового будущего» [1, с. 122–123].

И коль скоро это так, то постсоветский «транзит» мог и должен был оказаться двояким. С одной стороны, определенная часть общества в постсоветской России воспроизводила прежние культурные формы и соответствующие политические практики. С другой стороны, все остальные, утратившие прежнюю идентичность, неизбежно стали действовать в инверсионной логике: сначала инсценируя свою новую идентичность, и лишь потом пытаясь наполнять ее доктринальным содержанием. Чтобы в итоге сформировать принципиально новые социальные интересы. Именно поэтому в ситуации российского постмодерна самопрезентация постоянно и неизбежно оказывается двигателем политического протеста, а не наоборот. И именно поэтому у всех постсоветских политических институтов устойчивый вкус неподлинности, заставляющий даже значительную часть экспертного

сообщества рассуждать о том, что у нас нет «настоящих партий», «настоящего парламента», «настоящего разделения властей», «настоящего федерализма», «настоящего местного самоуправления» и т. д.¹²

В связи с этим мы можем конкретизировать второй исходный вопрос — о специфике «русского случая» в отношении миноритизации как глобального тренда. Леонид Ионин, как мы помним, здесь относительно оптимистичен, правда, при презумпции, что внутривосточное «восстание меньшинств» будет ограничено неким «моральным императивом» сохранения самой России. Однако этот финальный тезис его книги входит, на мой взгляд, в противоречие с одним весьма точным наблюдением, представленным в главке «Реформаторы и революционеры».

Там автор косвенно напоминает нам, что с самого начала (то есть после распада СССР) мы совершили коллективную «инсценировку идентичности», попытавшись стать «как Запад». Иными словами, практически весь «советский народ», и «россияне» в том числе, сыграл роль неопределившегося «меньшинства» по сценарию фукуямовского «Конца истории». Отвергнув прежнюю идентичность по формуле «так жить нельзя», мы попытались надеть на себя парсуну транзитёра, переходящего от «авторитаризма» / «тоталитаризма» к «демократии», от «социализма» к «капитализму» и в целом выходящего на «столбовую дорогу цивилизации». Сегодня все это кажется смешным, но тогда все было крайне — экзистенциально! — серьезно. И видимо, в этом заключалась наша главная ошибка.

Ведь чтобы всерьез вратиться в культуру западного Постмодерна, надо было (следуя инверсивной логике) сначала «сыграть в игру». То есть — по-настоящему инсценировать «западную» идентичность, чтобы лишь на выходе, после вдумчивого и критичного освоения западной культурно-цивилизационной «начинки», действительно стать частью, как тогда выражались, «мирового цивилизованного сообщества». Вместо этого мы на полном серьезе, и абсолютно поэтому некритично, принялись имитировать неведомые нам институты и практики в уверенности, что и мы скоро сделаемся «как люди».

¹² Логичным продолжением подобных lamentаций было бы признание этих экспертов в том, что они тоже — «не настоящие». Однако до этого не доходит, поскольку у них имеется профессиональное «алиби», которое Леонид Ионин описывает следующим образом. Отказываясь от концептуализации собственной политической истории, «мы обречены на рассуждения о том, как “надо” и как “не надо”: надо так, как это было в Америке, в Англии или где-то еще (помню длившуюся годами дискуссию о том, что “надо” у нас подписать что-то вроде “пакта Монклоа”), а не надо так, как это было у нас в стране» [1, с. 97].

И во всем этом не надо видеть злую волю и происки коллективного «Ельцина» и коллективного «гайдарочубайса». Ельцин и команда реформаторов действовали не только по политическому, но и — что гораздо важнее — моральному мандату огромного народного большинства. А то, что это большинство уже через пять лет от своих прежних вождей с ужасом отшатнулось, лишь подтверждает известный трюизм о любви и ненависти. Поскольку, повторюсь, это была совершенно неизбежная ошибка коллективного «бессознательного», руководившего и теми, кто претендовал на роль рационального «эго» нации.

В результате этого нашего неуместного идентификационного «серьеза» случилось то, что разочаровавшись во «внешности» объекта имитации, мы оказались инфицированы его цивилизационным кодом, в котором История — закончилась. Вместо нее — чередование различных «историй», инициируемых теми или иными меньшинствами. Что порождает со стороны (у нас) иллюзию развития, то есть успешности «реформ».

Чем оборачивается эта иллюзия, Леонид Ионин описывает таким образом: «...реформы постоянны и неизбывны. В России они идут вот уже двадцать с лишним лет, но нам все кажется, что, несмотря на все ошибки и промахи, повлекшие тяжелые жертвы и иногда безвозвратные потери, они должны, наконец, привести к какому-то *окончательному* результату. Сложится “средний класс”, будет построено “гражданское общество”, возникнет “эффективный собственник”, на него будет работать “эффективный менеджер”, “государство должно уйти” и т. д. и т. п. На самом деле окончательного результата не будет, в чем легко убедиться на примере западных стран, где завершение одного цикла реформ знаменует собой начало нового цикла» [1, с. 164].

Леонид Ионин связывает реформистский «зуд» западного социума с открытой еще В. Беньямином типично модерновой «модой на новизну», которая переключивается и в поздний Модерн. Но помимо детерминанты этого, так сказать, культурного кода можно предположить еще и наличие детерминанты социетальной. В этом случае, как отмечалось выше, спрос на постоянную новизну генерируется самой социальной структурой общества меньшинств. Прогрессирующая миноритизация, порождающая мозаичную социальную структуру, при любом движении одного сегмента (данного меньшинства) в «социальном калейдоскопе» задает новую конфигурацию культурно-идеологического и затем — социально-политического пространства. То есть буквально по Пелевину: очередная самопрезентация того или иного меньшинства становится двигателем политического протеста.

И здесь уместно вернуться к вопросу о принципиальном различии тех перспектив, которые сулит миноритизация на Западе и в России. В западном варианте «восстание меньшинств» означает перманентную реконфигурацию национального культурно-символического

пространства при сохранении самого этого пространства. Даже самые радикальные движения типа Оссуры Wall Street, претендующие на выражение позиции 99% американцев, оказываются, в конечном счете, успешно поглощенными социокультурной «матрицей» западного социума. Собственно говоря, в этом и заключается цель протестующего меньшинства: в своей уникальности стать «как все».

В нашей же ситуации имитационного постмодерна, все еще живущего модернистским представлением о векторной Истории, любое протестное меньшинство восстает с целью указать «всем остальным» на их неправоту. А в пределе — добиться того, чтобы все остальные приняли законы и нормы этого меньшинства.

Эта ситуация очень похожа на судьбы марксизма в Европе и в России. Запад включил марксизм как интеллектуальное течение и как политическую идеологию в социальную практику, позволившую реконфигурировать социальную структуру при сохранении самого общества. Российские большевики в качестве радикального меньшинства взорвали социальную структуру, что всего лишь через 70 лет привело к распаду общества. И в ситуации, когда инерция социального распада еще сохраняется, есть очень большой риск, что миноритизация (даже в версии «мягкого» неутрайбализма, в которой Ионин видит много общего со своей социологией глобального общества) окажется лишь эвфемизмом дезинтеграции страны.

Может быть, с точки зрения объективного глобального тренда эта перспектива вполне логична и закономерна. Но с субъективно российской точки зрения она неприемлема. Именно поэтому над феноменом «восстания меньшинств» в отечественном, пока еще зародышевом, варианте надо думать всерьез. Как это и предлагает Леонид Ионин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ионин Л.Г.* Восстание меньшинств. М., СПб.: Университетская книга, 2013.
2. *Ионин Л.Г.* Политкорректность: дивный новый мир. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
3. *Ионин Л.Г.* Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
4. *Ионин Л.Г.* Парадоксальный сон. М.: Университетская книга, 2005.
5. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.
6. *Ионин Л.* Русский Апокалипсис. Фантастический репортаж из 2000 года. М.: АРГО-МЕДИА, 1999.
7. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994.
8. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды: Пер с исп. / Сост., предисл., и общ. ред. А.М. Руткевича. 2-е изд. М.: Изд-во «Весь Мир», 2000.
9. *Пелевин В.* Batman Apollo. М.: ЭКСМО, 2013.
10. *Huntington S.P.* The clash of civilizations and the remaking of world order. New York: Symon & Shuster, 1996.